

ПОСЛЕДНЕЕ ПУТЕШЕСТВИЕ БАРОНА ФЬЮБЕЛЬ-ФЬЮТЦЕНАУ

Источник: А. Соболев. Человек за бортом. Повести и рассказы. М.: "Книгописная палата", 2001. -- 320 с.

OCR и вычитка: Александр Белоусенко, февраль 2008. <http://belousenko.com/>

Это рассказ о том, как погиб барон Оскар Бернгардович Фьюбель-Фьютценау, последний в древнем роду, единственная уцелевшая особь мужского пола российских Фьюбель-Фьютценау, потомок мальтийского рыцаря, как вычеркнут был из списка московских жителей барон Фью-Фью, проживавший на Арбате, по Нащокинскому переулку.

И еще рассказ о том, что в жизни нашей сосед по коридору может стать и ангелом-хранителем и убийцей -- и разве знал барон Оскар Бернгардович, что с Пембеком входит в дом его неминуемая судьба?

Пембека вселили к барону в январский выюжный день, когда на Арбатской площади сугробы в чехарду играли, а по крыше бывшей "Праги" ветер метался бешеное пойманного мешочника. Но сам-то Пембек был тих и скромен, из трех баронских комнат удовлетворился той темной, где раньше лежали дорожные принадлежности, баулы всякие, чемоданы (рьяным путешественником был когда-то барон, -- но об этом ниже), председателя домкома, водителя своего, облобызал, а барону, подав руку, сказал грустно:

-- Эх, жизнь! Приходится тревожить чужих благородных людей. Ради всего, снизойдите.

И ножкой шаркнул, маленькой ножкой; ножка в желтом ботинке на пуговичках, а на голове пышная меховая шапка с длинными ушами-хвостами, хоть подбородок подвязывай, да еще раза два вокруг шеи оберни, а на плечах пальтецо демисезонное, цвета облупленного кирпича из развалившегося московского дома.

И вот попозже, когда у себя в новой комнате повозился, покашлял, насморкался, обои общупал и часов в девять постучался к барону -- "разрешите войти" -- и снял свой полярный головной убор, оказалось, что весь-то он в кулачок и весь безволосый; даже вместо бровей пустое место.

И нежным, даже при шести градусах тепла баронской комнаты, нежнее девичьего вздоха голосом откомендовался новый уплотнитель:

-- Пембек, Капитон Иоаннович, православный интеллигент, невзирая на иностранную фамилию почти из Диккенса, по слову моего близкого друга, артиста Первой студии Художественного театра.

И, присев рядом, молвил Пембек барону:

-- Вы не сомневайтесь, дорогой, высокопочтенный барон, что в моем лице вы найдете подлинного соседа в нашей сегодняшней собачьей жизни. Эх, жизнь. Я буду уважать ваши почтенные годы, ваше благородное звание, не поддающееся аннулированию.

Я за аристократию с детских лет и, между прочим, за культуру.

Откланявшись, Пембек исчез, длинные заячьи хвосты, пятнистые, юркие, мелькнули, барона Фьюбель-Фьютценау по лицу мазнули, мимо недоумевающих старческих глаз пронеслись и тоже исчезли.

Сгнули хвосты, Пембек сгинул -- до утра, чтобы потом, на следующий день, почти с рассвета, когда еще окна безжизненно-сини, а за окнами жизнь мертва, глубоко, зловеще, навсегда внедриться в бедное баронское русско-немецкое существование, по Нащокинскому переулку, в январский снежный посвист.

Полуночь у Пембека в кармане лежала баронская продовольственная карточка, -- мадам Тотейль, из подвального этажа, посредница по ликвидации баронских остатков и поставщица предметов первой необходимости, была отринута в 24 минуты и безоговорочно отправлена назад в подземелье.

К вечеру рядом с карточкой очутились ключи и даже ключик от заветного секретера.

В ящиках и сундуках Пембек обрел катастрофическую пустоту, в секретере трудились перевязанные лентами письма, бумаги; долго дрыгали заячьи хвосты, сокрушались, долго не могли успокоиться.

Дня через три Пембек переселился к барону, завладел оттоманкой, покрыв ее последним уцелевшим ковром -- тем самым, что висел над кроватью барона и сырость прятал, гнойные пятна истерзанных обоев.

Морщась, барон пополз в коридор, в темени охал, из темени вытащил старые худосочные ширмы и отгородил оттоманку.

А к концу недели сказал Пембек, что у барона слишком длинная и неудобопроизносимая фамилия,